This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

JN
6511
.K36

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

This is an authorized facsimile
of the original book, printed by
microfilm-xerography on acid-free pa

UNIVERSITY MICROFILMS INTERNA
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England
1979

М. П. КАТКОВЪ.

О САМОДЕРЖАВІИ И КОНСТИТУЦІИ.

Цѣна 30 коп.

Клянусь вамъ честью, что ни за что на св
тѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество,
имѣть другой исторіи, какъ исторію наши
предковъ, такую какъ намъ Богъ ее послал

Пушкинъ.

Надъ человѣческими соображеніями в
вышается Промыслъ Божій; человѣческія д
ствія пресѣкаются Его рѣшеніями. Довѣрим
Ему болѣе чѣмъ своему разумѣнію. Худ
превратитъ Онъ въ лучшее, хотя и не въ
какое люди имѣютъ въ своихъ мысляхъ и
лахъ. Мы непоколебимо вѣримъ въ судь
Россіи.

(Катковъ).

„Ты тихо ждешь да пройдетъ заблужден
„Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчн
„Всѣхъ озаритъ".

Пушкинъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
остоженка, Савеловскій пер., соб. д.
1905

JN6511
K36

718803

0p-28661

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE
WASHINGTON 25, D. C.

М. Н. КАТКОВЪ.

О самодержавіи

О САМОДЕРЖАВІИ И КОНСТИТУЦІИ.

Клянусь вамъ честью, что ни за что на свѣтѣ я не захотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую какъ намъ Богъ ее послалъ.

Пушкинъ.

Надъ человѣческими соображеніями возвышается Промыслъ Божій: человѣческія дѣйствія пресѣкаются Его рѣшеніями. Довѣримся Ему болѣе чѣмъ своему разумѣнію. Худшее превратитъ Онъ въ лучшее, хотя и не въ то какое люди имѣютъ въ своихъ мысляхъ и цѣляхъ. Мы непоколебимо вѣримъ въ судьбы Россіи.

(Катковъ).

„Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
„Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
„Всѣхъ озаритъ".

Пушкинъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
остоженка, Савеловскій пер., соб. д.

JV 6511
К 36

3679.

Дозволено цензурою. Москва, 18 декабря 1904

Вмѣсто предисловія.

Безполезно оспаривать ученія и мнѣнія лишенныя вліянія и силы. Ошибочная мысль или предосудительное стремленіе становятся опасными лишь по мѣрѣ того какъ пріобрѣтаютъ себѣ сочувствіе и поддержку въ сферахъ вліятельныхъ, особенно въ лицахъ облеченныхъ властію, которыя не только могутъ имѣть непосредственное вліяніе на законодательство страны и на общую правительственную систему, но и сверхъ того обладаютъ тысячью способовъ поощрять направленіе, которое имъ сочувственно, и препинать то, что съ ихъ воззрѣніями не согласно. Ошибка частнаго человѣка остается при немъ; ошибка правительственнаго дѣятеля можетъ стать страшною общественною болѣзнію.

При всемъ уваженіи которое подобаетъ правительственнымъ лицамъ, мы не можемъ считать себя ихъ вѣрноподданными и не обязаны сообра-

того или другаго изъ нихъ. Надъ правительс
ными и неправительственными дѣятелями, р
для всѣхъ обязательная, возвышается верхо
власть; въ ней состоитъ сущность правитель
съ нею связываетъ насъ присяга; ея инте
суть интересы всего народа*).

---

*) Катковъ 1866 № 69.

Голосъ съ высоты Престола былъ всегда утолителемъ страданій и цѣлителемъ недуговъ русской души; и вотъ съ какимъ словомъ обратился къ своему народу 29 Апрѣля 1881 года убѣжденный Стражъ Самодержавія въ Россіи, въ Бозѣ Почившій Императоръ Александръ III.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ

и пр., и пр., и пр.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что Богу въ исповѣдимыхъ судьбахъ Его благоугодно было завершить славное царствованіе возлюбленнаго Родителя Нашего мученическою кончиной, а на Насъ возложить священный долгъ самодержавнаго правленія. Повинуясь волѣ Провидѣнія и закону наслѣдія государственнаго, Мы приняли бремя сіе въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса, предъ лицемъ Всевышняго Бога, вѣруя, что предопредѣливъ Намъ дѣло власти въ столь тяжкое и многотрудное время Онъ не оставитъ Насъ Своею всесильною помощью, вѣруемъ также, что горячія молитвы благочестиваго народа, во всемъ свѣтѣ извѣстнаго любов

кутъ благословеніе Божіе на Насъ и на предлежащій Намъ трудъ правленія. Въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ, пріявъ отъ Бога самодержавную власть на благо ввѣреннаго Ему народа, пребылъ вѣренъ до смерти принятому Имъ обѣту и кровію запечатлѣлъ великое Свое служеніе. Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостью ея и кротостью совершилъ Онъ величайшее дѣло Своего царствованія, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, успѣвъ привлечь къ содѣйствію въ томъ и дворянъ-владѣльцевъ, всегда послушныхъ гласу добра и чести; утвердилъ въ царствѣ судъ и подданныхъ своихъ, коихъ всѣхъ безъ различія содѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распоряженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во вѣкъ! Низкое и злодѣйское убійство Русскаго Государя посреди вѣрнаго народа, готоваго положить за него жизнь свою, недостойными извергами изъ народа есть дѣло страшное, позорное, неслыханное въ Россіи, и омрачило всю землю Нашу скорбію и ужасомъ. Но посреди великой Нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу истины самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго ото всякихъ на нее поползновеній. Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ сѣнію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ земля Наша пере-

живала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу посреди тяжкихъ испытаній и бѣдствій съ вѣрою въ Бога устрояющаго судьбы ея. Посвящая Себя великому Нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и государству вѣрою и правдой къ искорененію гнусной крамолы позорящей землю Русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, истребленію неправды и хищенія, водворенію порядка и правды при дѣйствіи учрежденій дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ.

Данъ въ Петербургѣ, въ 29 день апрѣля, лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, царствованія же Нашего первое.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

САМОДЕРЖАВІЕ.

I.

Теперь мы можемъ вздохнуть свободно. Конецъ малодушію, конецъ всякой смутѣ мнѣній! Предъ этимъ непререкаемымъ, предъ этимъ столь твердымъ, столь рѣшительнымъ словомъ Монарха должна наконецъ поникнуть многоглавая гидра обмана. Какъ манны небесной народное чувство ждало этого царственнаго слова. Въ немъ наше спасеніе; оно возвращаетъ Русскому народу Русскаго Царя Самодержавнаго, отъ Бога пріявшаго власть Свою и лишь предъ Богомъ отвѣтственнаго. Посрамлены ковы нашихъ враговъ и поползновенія малодушныхъ въ нашей средѣ умалить и унизить священную власть и отнять у нашего народа его драгоцѣннѣйшее достояніе, наслѣдіе его многовѣковой страды и крови, силу его жизни, залогъ его будущаго. Да здравствуетъ вступившій на царскій путь возлюбленный Государь нашъ, да благословитъ Богъ начало Его царствованія и да дастъ мощь исполненія Его благимъ предначертаніямъ *).

---

*) 1881 г. 118 А.

2.

Въ Москвѣ совершается то церковное таинодѣйствіе которымъ освящается самодержавная власть Царя Россіи. Въ Москву приходитъ онъ законнымъ преемникомъ своихъ предковъ; отъ Москвы исходитъ помазанникомъ Божіимъ.

Всякая власть отъ Бога, учитъ наша церковь. Но Русскому царю дано особое значеніе отличающее его отъ другихъ властителей міра. Онъ не только государь своей страны и вождь своего народа,—онъ Богомъ поставленный блюститель и охранитель Православной Церкви, которая не знаетъ надъ собою земнаго намѣстника Христа, и отреклась отъ всякаго дѣйствія кромѣ духовнаго, предоставляя всѣ заботы о своемъ земномъ благосостояніи и порядкѣ освященному ею вождю великаго православнаго народа. Русскій Царь есть болѣе чѣмъ наслѣдникъ своихъ предковъ; онъ преемникъ кесарей восточнаго Рима, строителей церкви и ея соборовъ установившихъ самый символъ христіанской вѣры. Съ паденіемъ Византіи поднялась Москва и началось величіе Россіи. Вотъ гдѣ тайна той глубокой особенности, которою Россія отличается среди другихъ народовъ міра.

Высоко призваніе Государя Россіи, но и обязательно,—болѣе обязательно чѣмъ всякая другая власть на землѣ. Носить этотъ санъ требуется не только съ достоинствомъ, но съ благоговѣніемъ. Его обязанности выше всѣхъ его правъ. Для народа составляющаго Православную Церковь, Русскій Царь предметъ не просто почтенія, на кото-

рое имѣетъ право всякая законная власть, но священнаго чувства въ силу его значенія въ домостроительствѣ Церкви.

Будемъ бодро смотрѣть впередъ, но и будемъ вѣрны завѣтамъ нашей исторіи. Всякому свое: Востоку восточное, Западу западное. Воздавая должное другимъ, останемся собою и пойдемъ своимъ путемъ. Лишь бы намъ быть искреннѣе въ нашихъ побужденіяхъ, яснѣе и правдивѣе въ нашей мысли, мы найдемъ въ себѣ самихъ источники и силу всякаго успѣха. Не случайно сложилось наше могущество въ мірѣ, и не даромъ существуетъ Россія... *).

3.

Государь, особымъ изволеніемъ Промысла призванный на престолъ своихъ предковъ, приходитъ освятить таинодѣйствіемъ Церкви дарованную Ему самодержавную власть. Россія будетъ жива доколѣ не изсякнетъ ея вѣра въ благодатную силу этого дѣйствія, доколѣ Вѣнчаніе Русскаго Царя на царство будетъ сохранять въ православномъ мірѣ не только государственное, но и церковное значеніе. Русскій Царь есть не просто глава государства, но стражъ и радѣтель восточной Апостольской Церкви, которая отреклась ото всякой мірской власти и ввѣрила себя храненію и заботамъ Помазанника Божія.

Что имѣетъ религіозное значеніе, то становится не только общественнымъ, но для каждаго изъ вѣрующихъ своимъ сердечнымъ дѣломъ. Будемъ

*) 1882 249 А.

же молиться не только при общественныхъ богослуженіяхъ, но и каждый въ клѣти своей, чтобы Господь ниспослалъ возлюбленному Государю нашему благодатную силу для царскаго подвига. Нѣтъ на свѣтѣ жребія отвѣтственнѣе самодержавной власти Русскаго Царя. Будемъ молиться, чтобы Помазанникъ Божій сохранилъ внимательность и чуткость къ движеніямъ своего сердца, и довѣрялъ имъ болѣе чѣмъ побужденіямъ извнѣ идущимъ.

Всякое сѣмя даетъ плодъ по роду своему. Мы можемъ сослужить нашу службу человѣчеству лишь оставаясь послѣдовательными и вѣрными себѣ. Всего хуже смѣшеніе системъ. Все навѣянное со стороны, всѣ идеи выработанныя изъ чуждой жизни, могутъ только задерживать и болѣзненно смущать движеніе нашей собственной жизни.

Русское самодержавіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что рисуютъ себѣ люди судящіе о немъ по чужимъ понятіямъ. Понятное въ своемъ истинномъ смыслѣ, оно окажется лучшимъ и вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ всякаго блага, какимъ только можетъ дорожить человѣчество. Оно выражаетъ собою единую власть, ни отъ какихъ партій и отдѣльныхъ интересовъ не зависящую, надо всѣмъ возвышенную, чистую ото всякаго эгоизма, равную цѣлому. Не противъ, но на защиту свободы обнаженъ ея мечъ. Она не можетъ и не должна терпѣть никакой неподчиненной ей или не отъ нея исходящей власти въ странѣ, никакого государства въ государствѣ.

Противоположность между нами и Западомъ въ томъ состоитъ, что тамъ все основано на договорныхъ отношеніяхъ, а у насъ на вѣрѣ, и

противоположность эта опредѣлилась первоначально положеніемъ, какое Церковь приняла на Западѣ и какое приняла она на Востокѣ. Тамъ въ основаніи двоевластіе, у насъ единовластіе.

Церкви и съ ней всему народу свобода, а власть, полная и нераздѣльная, Царю, — вотъ наша система *).

4.

Люди ищутъ власти, люди борются за власть, соблазняемые силою и почестями съ ней сопряженными. Увы! Власть есть тяжкое бремя: она возлагается на избранныхъ какъ служба, тѣмъ болѣе обязательная чѣмъ выше власть. Нѣтъ службы болѣе тяжкой, какъ верховная власть надъ народами. Всякая свобода и самая жизнь по истинѣ человѣческая, въ обществѣ возможны только при условіи единой и безспорной, надъ всякою властію господствующей власти. Ея ослабленіе неизбѣжно порождаетъ смуту. По мѣрѣ того, какъ ослабляется дѣйствіе законной власти, нарождаются дикія власти, начинается разложеніе, совершаются насилія, колеблются основы всякой нравственности, духъ растлѣнія овладѣваетъ умами, и вмѣсто явнаго правительства появляются тайныя, дѣйствующія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе дѣйствіе государственной власти **).

5.

Весь смыслъ русской исторіи и вся государственная мудрость въ томъ состоятъ, чтобы вер-

---

*) 1883 г. № 129

**) 1881 г. № 62.

ховная власть нашего народа была неразрывно связана съ нимъ, и чтобъ управленіе имъ было живымъ и яснымъ выраженіемъ этого единства. Сохрани насъ Боже ото всего, что можетъ раздѣлить ихъ и поставить ихъ, какъ бы въ два лагеря, одинъ противъ другаго, каждый со своими особыми интересами! Никакія формулы выработанныя жизнью другихъ странъ не могутъ быть приложимы къ отношеніямъ верховной власти къ народу въ Россіи. Мы дѣлали ошибки въ нашихъ учрежденіяхъ и онѣ вносили много смуты въ нашу жизнь, парализуя ея силы; но всякая ошибка въ этомъ отношеніи, даже самая малая на видъ, была бы бѣдствіемъ непоправимымъ.

Да предохранитъ насъ Богъ ото всякихъ обмановъ и искушеній, а всего болѣе отъ собственнаго нашего легкомыслія и неразумія! Да соблюдетъ верховная власть на Руси свое священное значеніе, и всю полноту, всю свободу свою въ живомъ единеніи съ народными силами! *).

6.

Въ тяжкое пережитое нами время, діаволъ ходилъ по Русской землѣ сѣя плевелы раздора и смуты. Богъ не далъ взойти проклятому посѣву. Крѣпкая вѣра русскаго народа спасла его. Онъ устоялъ въ искушеніи. Злоумышленныя усилія потрясти общественный порядокъ и вооружить одно сословіе противъ другаго не имѣли успѣха. Но да избавитъ насъ Богъ отъ дальнѣйшаго искушенія. Нужно оградить народъ отъ козней обмана,

*) 1881 г. № 64.

который пользуется даже царскимъ именемъ, чтобъ овладѣть безхитростными умами. Новая открывшаяся эра, будемъ надѣяться, положитъ конецъ всякимъ неясностямъ и шатаніямъ, которыя были послѣдствіемъ быстрыхъ и недостаточно согласованныхъ нововведеній*).

7

Открытіе Московской Думы гораздо важнѣе потому, что первымъ дѣйствіемъ ея перваго собранія было единодушное и единогласное принятіе всеподданнѣйшаго адреса, по поводу смутъ, происходящихъ въ Польшѣ, и угрозъ и оскорбленій, которыя сыплются теперь со всѣхъ сторонъ на наше отечество.

Никогда общественное заявленіе не было такъ единодушно и не отличалось такою искренностію, какъ въ этомъ случаѣ. Давно уже наша Москва не испытывала такого общаго одушевленія, которое бы такъ могущественно сливало людей въ одно чувство. Ничего искусственнаго не было въ этомъ порывѣ, побудившемъ гласныхъ новой думы выразить передъ престоломъ чувства одушевляющія всѣхъ и каждаго. Всякій можетъ засвидѣтельствовать это; всякій болѣе или менѣе испыталъ потрясающую силу и живительное дѣйствіе общаго великаго чувства, охватившаго всѣхъ безъ различія. Никогда, можетъ-быть, Московской Думѣ, да и какому бы то ни было собранію, не придется съ большимъ правомъ считать себя органомъ общественнаго настроенія, какъ

*) 1883 № 140 А.

случаѣ полнымъ выраженіемъ чувства, проникающаго всѣ классы общества, и какъ великая волна проходящаго теперь по всему пространству нашего отечества.

Да, мы переживаемъ теперь великія минуты, и каждый долженъ испытать и очистить себя, чтобы стать ихъ достойнымъ. Всѣ мелкія и искусственныя понятія, всѣ пустоцвѣты нашего такъ-называемаго образованія должны уступить мѣсто тѣмъ основнымъ, тѣмъ могущественнымъ, тѣмъ вѣчнымъ силамъ, на которыхъ зиждется всенародная жизнь. Мы во очію видимъ теперь какъ воплощаются въ насъ эти силы, какъ блѣднѣетъ и исчезаетъ передъ ними все фальшивое, все наигранное и пустословное, бродившее въ нашихъ мысляхъ. Все исчезаетъ, какъ ржавчина и плѣсень въ глубокой всколыхавшейся водѣ.

То, что въ обычной суетѣ нашихъ мыслей и толковъ было такъ чуждо намъ, такъ мало дѣйствовало на насъ, такъ слабо говорило въ нашей душѣ, вдругъ проснулось, и заговорило громко, заговорило неумолчнымъ набатомъ. Всякій зналъ себя за Русскаго, называлъ себя Русскимъ, но всякому ли случалось въ жизни почувствовать это съ потрясающимъ могуществомъ страсти? И вотъ, всѣ, отъ мала до велика, становятся живыми органами этого чувства; во всѣхъ становится кровною силой то, что такъ недавно было для всѣхъ отвлеченнымъ понятіемъ: единство Русской Земли, общаго отечества. Гдѣ она, наша Русь? Еще такъ недавно мы взглянули бы при этомъ на географическую карту съ разноцвѣтными границами; но теперь всякій живой чело-

вѣкъ чувствуетъ нашу Русь въ самомъ себѣ, чувствуетъ ее какъ свое сердце, какъ свою жизнь.

Мы называемъ себя вѣрноподданными. Мы воздаемъ должный почетъ Царю, какъ верховному лицу, отъ котораго все зависитъ и все исходитъ. Но не въ эти ли минуты понимаемъ мы все значеніе Царя въ народной жизни? Не чувствуемъ ли мы теперь съ полнымъ убѣжденіемъ и ясностію зиждительную силу этого начала, не чувствуемъ ли въ какой глубинѣ оно коренится, и какъ имъ держится, какъ замыкается имъ вся сила народнаго единства? Кому не ясно теперь какъ дорого это начало для всякаго гражданина любящаго свое отечество? Въ комъ живо сказалось единство отечества, въ томъ съ равною живостью и силою сказалась идея Царя; всякій почувствовалъ, что то и другое есть одна и та же всеобъемлющая сила.

Есть въ Россіи одна господствующая народность, одинъ господствующій языкъ, выработанный вѣками исторической жизни. Однако есть въ Россіи и множество племенъ говорящихъ каждое своимъ языкомъ и имѣющихъ каждое свой обычай; есть цѣлыя страны съ своимъ особеннымъ характеромъ и преданіями. Но всѣ эти разнородныя племена, всѣ эти разнохарактерныя области, лежащія по окраинамъ великаго русскаго міра, составляютъ его живыя части и чувствуютъ свое единство съ нимъ въ единствѣ государства, въ единствѣ верховной власти,—въ Царѣ, въ живомъ всеповершающемъ олицетвореніи этого единства. Въ Россіи есть господствующая церковь, но въ ней же есть множество всякихъ исключающихъ другъ друга вѣрованій. Однако все

няющихъ и раздѣляющихъ людей, покрывается однимъ общимъ началомъ государственнаго единства. Разноплеменные и разновѣрные люди одинаково чувствуютъ себя членами одного государственнаго цѣлаго, подданными одной верховной власти. Все разнородное въ общемъ составѣ Россіи, все что можетъ-быть исключаетъ другъ друга и враждуетъ другъ съ другомъ, сливается въ одно цѣлое, какъ только заговоритъ чувство государственнаго единства. Благодаря этому чувству Русская земля есть живая сила повсюду гдѣ имѣетъ силу Царь Русской земли. Никакія измѣненія въ нашемъ политическомъ бытѣ не могутъ умалить или ослабить значеніе этой идеи. Всѣ преобразованія, какія совершаются и будутъ совершаться у насъ, могутъ послужить только къ ея возвышенію и усиленію *).

8.

Если какой-либо народъ можетъ быть несомнѣнно признанъ политически зрѣлымъ, то народъ этотъ есть Русскій. Россія достигла теперь именно той поры, которая должна быть по преимуществу названа порою политической зрѣлости. Въ русской исторіи не было, и никогда уже не будетъ момента болѣе благопріятнаго въ политическомъ отношеніи; только теперь и могутъ быть положены безопасно, вѣрно и прочно основанія для возраждающейся къ новой жизни Россіи. Историческіе моменты не повторяются,—не повторится и этотъ. Бо́льшей зрѣлости мы будемъ напрасно дожидаться, — большей зрѣлости не будетъ. До-

*) 1863 г. № 79.

тельство тому, что исторія совершила дѣло
емой зрѣлости и не хочетъ долѣе ждать,
зательство тому, — уже начинающіе возникать
наки разложенія.... Пройдетъ минута, которая
кизни народовъ не повторяется, и за нею
ѣдуетъ неудержимое разложеніе. Нѣтъ, не
шей зрѣлости можемъ мы ожидать въ буду-
ь, а большихъ затрудненій, большихъ опасно-
появленія болѣзней общественныхъ, развитія
шивыхъ интересовъ и разлагающихъ силъ.
не чувствуемъ ли мы вѣяніе этого духа раз-
нія и хищенія, который охватываетъ всѣ
окраины? Не чувствуемъ ли мы, какъ за-
даются центробѣжныя стремленія? Не чув-
емъ ли мы, какъ въ самыхъ нѣдрахъ нашего
ства вдругъ начали появляться, до сихъ поръ
лыханные, болѣзненные нравственные при-
и? Не чувствуемъ ли мы, какъ ядъ всесвѣтной
люціи начинаетъ уже проникать въ наши
ра? Не чувствуемъ ли мы ея интриги и козни,
кные захваты? Не заглядываетъ ли она въ
и школы, въ нашу бюрократію? Въ потьмахъ
отъ нея не избавимся, нѣтъ, — въ потьмахъ
будетъ расти и множиться, и дойдетъ до того,
отъ нея нельзя будетъ избавиться безъ тяж-
ъ и кровавыхъ усилій. Только людямъ ищу-
ъ пагубы Россіи, только людямъ, злорадно
итывающимъ на ея разложеніе, выгодны эти
мки; только имъ выгоденъ туманъ, застилаю-
наши глаза, только имъ выгодны наши вну-
нія недоразумѣнія. А людямъ, искренно лю-
имъ Россію и желающимъ ей блага, грѣшно
ать такъ, какъ выгодно думать лишь нашимъ
амъ; грѣшно имъ такъ думать, — и имъ

самимъ пришлось бы впослѣдствіи горько каяться, еслибы правительство уважило ихъ мнѣніе.

Намъ говорятъ: общество наше легкомысленно; вчера оно увлеклось однимъ мнѣніемъ, завтра будетъ увлекаться другимъ; мнѣнія его шатки и зыбки, и нельзя на нихъ надежно основаться. Но когда же можно было основывать что-нибудь на мнѣніяхъ? Можно ли основывать что-нибудь на мнѣніяхъ? Развѣ во мнѣніяхъ сила? Развѣ мнѣніями измѣряется политическое значеніе общества? Развѣ сонныя грезы, играющія въ усыпленномъ умѣ, могутъ служить пробой его силы и настроенія? Общество оцѣнивается не по мнѣніямъ, которыя случайно возникаютъ на его поверхности, вслѣдствіе бездѣйствія его силъ, вслѣдствіе бездѣйствія его существенныхъ интересовъ, вслѣдствіе того, что оно спитъ и не живетъ всею своею жизнію; нѣтъ, общество можно оцѣнивать только по силѣ и значенію тѣхъ интересовъ, на которыхъ оно стоитъ, и которые должны дѣйствовать для того, чтобъ общественное мнѣніе было не игрою сонныхъ грезъ, а разумною силой, свѣтомъ освѣщающимъ жизнь. Мнѣнія сами по себѣ даютъ только мнимое; вся сила, все значеніе мнѣній заключается въ тѣхъ зиждительныхъ интересахъ человѣческаго общества и народной жизни, которые въ нихъ выражаются. Но никогда и нигдѣ дѣйствительные интересы народной жизни, тѣ интересы, на которыхъ стоитъ общество, не заключали въ себѣ столько элементовъ здоровья и силы, какъ у насъ въ настоящую пору.

Гдѣ, напримѣръ, сильнѣе и крѣпче заинтересованъ народъ въ охраненіи верховной власти? Гдѣ она имѣетъ такое великое, безспорное, не-

лемое значеніе? Гдѣ найдемъ такое всеобщее, бокое убѣжденіе въ ея неприкосновенности и гости? Какая опека можетъ замѣнить этотъ кій интересъ народной жизни? Кто будетъ шимъ стражемъ этого интереса? Народныя ли ы, которымъ онъ будетъ ввѣренъ, или наемъ, Богъ знаетъ откуда пришедшій и Богъ етъ, что держащій въ своемъ умѣ? Можетъ ли ь хоть тѣнь сомнѣнія въ существованіи этого ереса, воспитаннаго всею нашею исторіей? жетъ ли быть какое-нибудь сомнѣніе въ существованіи другаго великаго интереса неразрывно заннаго съ нашею народною жизнію, — интеа цѣлости и единства государства, его величія, ги и силы? Неужели даже теперь, послѣ нешней пробы, нужно доказывать, какъ всемогущъ ъ интересъ въ русскомъ народѣ, во всѣхъ ихъ русскаго общества, во всемъ, что чувствуетъ себя Русскимъ, во всемъ что не измѣняетъ сіи? Въ обществѣ нашемъ чувствовалось разойство, вслѣдствіе громадности происшедшей ормы въ гражданскихъ и экономическихъ условъ его быта: измѣнялись всѣ основы существованія: помѣщикъ чувствовалъ глубокое потрясіе въ своемъ хозяйствѣ, тревожныя заботы и сенія помрачали для него будущее: два коные класса народа разчитывались между со-: всѣ частные интересы колебались и страдали: ъ всѣмъ тяготѣли общія финансовыя затрудія. И что же? При первомъ отдаленномъ прикѣ опасности, при первомъ призывѣ отечества, было забыто, и все слилось въ одну цѣльную, ушественную, поразившую міръ силу: помѣкъ и крестьянинъ бросили свои счеты, все

собралось вокругъ престола, съ однимъ челобитьемъ, съ одною мольбою, жертвовать всѣмъ для сохраненія чести и цѣлости отечества. Когда исторія представляла такой примѣръ въ такихъ обстоятельствахъ? А мы осмѣливаемся презирать наше общество, какъ неспособное и незрѣлое къ политической жизни. Ужъ не прусскіе ли прогрессисты зрѣлѣе? И неужели можно думать, что когда-нибудь послѣ станутъ зрѣлѣе основные государственные интересы, безъ которыхъ не можетъ быть здоровой политической жизни? Неужели династическія и радикальныя партіи служатъ лучшимъ признакомъ зрѣлости? Увы! когда пролетитъ отмѣченная Провидѣніемъ пора народной жизни, тогда неизбѣжно наступитъ пора другихъ интересовъ, — интересовъ питающихся разложеніемъ, которые отнимутъ у народа способность пользоваться свободой, и отъ которыхъ жизнь можетъ освободиться только опасными кризисами и губительными катастрофами*).

9.

Въ понятіяхъ и чувствѣ народа Верховная Власть есть начало священное. Чѣмъ возвышеннѣе и священнѣе это начало въ понятіяхъ и чувствѣ народа, тѣмъ несообразнѣе, фальшивѣе и чудовищнѣе то воззрѣніе, которое хочетъ видѣть въ разныхъ административныхъ властяхъ какъ бы доли Верховной Власти. Какъ бы ни было высоко поставлено административное лицо, какимъ бы полномочіемъ оно ни пользовалось, оно

*) 1864 г. № 27 А.

ложетъ претендовать ни на какое подобіе прину Верховной Власти. Власть, въ которую инистраторъ облеченъ, безконечно, *toto genere*, чна отъ Верховной Власти. Администраторъ ложетъ считать себя самодержцемъ въ маломъ ь. Господство такого воззрѣнія есть существенло, и изъ него проистекало не мало печальныхъ разумѣній въ нашихъ общественныхъ понятъ, не мало фальшивыхъ положеній въ нашъ общественномъ быту. Опираясь на это возніе, административныя лица бывало готовы и провозгласить бунтовщикомъ всякаго, кто ливался ссылаться на законъ. „Я вамъ дамъ онъ!“ восклицалъ бывало администраторъ: я воля для васъ законъ“. Моя воля! Что мо ь быть безумнѣе и нечестивѣе такого притя я? Въ Россіи есть только одна воля, которая етъ право сказать: „я законъ“. Передъ нею милліоновъ преклоняются какъ одинъ чело ъ. Она есть источникъ всякаго права, всякой сти и всякаго движенія въ государственной ни. Она есть народная святыня ею все дер ся и все единится въ государственныхъ дѣ ъ. Народъ вѣритъ, что сердце Царево въ рукѣ ціей. Оно заколеблется, колеблется и падаетъ Спрашивается, можетъ ли кто-нибудь въ госуствѣ ставить также свою волю закономъ и дать, чтобы въ побужденіяхъ его сердца также лась воля Божія? А между тѣмъ, въ силу врѣнія уподобляющаго въ какомъ бы то ни о смыслѣ административныя власти верхо у надъ государствомъ началу, являлось бы разныхъ степеняхъ и размѣрахъ множество ь бы верховныхъ властей, множество какъ бы

самодержавныхъ повелителей. Можетъ ли выдержать какую-либо серіозную повѣрку это воззрѣніе, къ которому однако привыкла бюрократія и приучила умы? Оно должно исчезнуть, какъ грубая ошибка; оно должно исчезнуть предъ новымъ порядкомъ, который требуетъ совершенно иного воззрѣнія.

Служба Государю не можетъ также считаться исключительною принадлежностью бюрократической администраціи. При томъ значеніи, какое Верховная Власть имѣетъ какъ вообще, такъ въ особенности въ Россіи, всѣ отъ мала до велика могутъ и должны видѣть въ себѣ, въ какой-бы то ни было степени и мѣрѣ, слугъ Государевыхъ. Что называется у насъ общественной службой, то въ сущности есть такая же служба Государю, какъ и всякая другая, и въ этомъ отношеніи различіе между государственною и такъ-называемою общественною службою не существенно: мировой судья, охранитель общественнаго мира, также служитъ Государеву дѣлу какъ и бюрократическіе дѣятели, и на немъ лежитъ долгъ той же самой присяги, какъ и на нихъ. Будучи, какъ и всѣ, слугою Государю, и въ этомъ отношеніи не отличаясь существенно отъ всѣхъ другихъ, административное лицо имѣетъ, сверхъ того, обязанность служить на пользу общую по какому-либо опредѣленному вѣдомству дѣлъ или въ какой-либо мѣстности, и чтобы здраво и трезво понимать свое положеніе администраторъ долженъ видѣть въ себѣ не властелина, а служителя тѣхъ интересовъ къ которымъ приставленъ. Власть у него не за тѣмъ чтобы давать ее чувствовать мирнымъ гражданамъ, а чтобы служить имъ въ охраненіи ихъ

онныхъ правъ и интересовъ: показывать же сть свою онъ долженъ только нарушителямъ хъ правъ и интересовъ. Къ сожалѣнію, часто вало наоборотъ. Администраторъ показывалъ ю власть мирнымъ гражданамъ, но конфузливо талъ ее предъ врагами государства и общества. вали примѣры, какъ иной мудрый администра- ъ въ одно и то же время трактовалъ съ гру- ъ высокомѣріемъ здравыя, охранительныя и гонадежныя силы общества, и почтительно кланивался передъ мальчишкой-нигилистомъ*).

10.

Въ Россіи, къ несчастію, держатся и по сіе мя группы людей, ничтожныя по своей чис- ности, но чувствующія себя на столько значи- ьными и сильными, что считаютъ возможнымъ тивополагать себя русскому народу и даже аривать у него государственныя права. Изъ хъ группъ выходятъ тѣ фальшивыя и лукавыя нія, которыя выставляютъ русскій народъ не ько неспособнымъ къ высшей цивилизаціи и еченнымъ служитъ лишь матеріяломъ и ору- мъ для чуждыхъ ему цѣлей, но исполнен- мъ противогосударственныхъ и мятежныхъ емленій. Наглость этихъ ученій доходитъ до о, что они полагаютъ возможнымъ привести разрыву или по крайней мѣрѣ возбудить при- рбныя недоразумѣнія между русскимъ наро- ъ и верховною властью, которая вышла изъ исторіи и есть его единственное благо упрочен-

) 1866 г. № 154.

ное и возвеличенное имъ цѣной тяжкихъ страданій и пожертвованій. Нѣтъ порицанія, которому не подвергался бы бѣдный русскій народъ съ разныхъ сторонъ. Ему отказываютъ во всемъ; у него отнимаютъ даже его исторію и происхожденіе; все въ его жизни и свойствахъ предается поруганію; ему приписываются несовмѣстимыя отрицательныя свойства, смотря по тому съ какой стороны требуется клеветать на него. Пусть же клевещутъ на русскій народъ, пусть отрицаютъ у него все что угодно, пусть соревнующіе ему возвышаютъ себя надъ нимъ въ какихъ угодно качествахъ; но пусть по крайней мѣрѣ не оскорбляютъ простаго здраваго смысла, пусть по крайней мѣрѣ не посягаютъ на очевидность...

Кто сколько-нибудь знаетъ русскую исторію, кто не вовсе лишенъ смысла для разумѣнія окружающихъ явленій, тотъ не можетъ сомнѣваться въ свойствахъ русской народности, по крайней мѣрѣ по отношенію къ государственному порядку и къ верховной власти, которою онъ держится,—тотъ не можетъ думать, что въ интересѣ этого порядка надобно стѣснять и подавлять русскую народность. Еслибъ она дѣйствительно соотвѣтствовала тѣмъ ученіямъ, которыя о ней разглашаются, русское государство не могло бы существовать, оно неминуемо должно было бы распасться, и дѣйствительно—все искусство нашихъ политическихъ противниковъ состоитъ въ томъ, чтобы вооружать насъ самихъ противъ нашей народности. Взаимное недовѣріе и разъединеніе между русскимъ народнымъ чувствомъ и русскою верховною властію, вотъ цѣль этихъ стремленій, и еслибы цѣль эта могла быть проч-

ıъ образомъ достигнута, то дѣло ихъ было сдѣлано.

апрасно хотятъ увѣрить насъ что можно быть гнымъ гражданиномъ, отвергая и отрицая іональность государства, что можно быть вѣрть подданнымъ, не будучи честнымъ граждаомъ; напрасно хотятъ увѣрить насъ, что можслужить государю, не служа его государству. же могутъ быть права и интересы государя ь не въ его государствѣ? Россія сильна именгѣмъ что народъ ея не отдѣляетъ себя отъ его Государя. Не въ этомъ ли единственно ючается то священное значеніе, которое рус- Царь имѣетъ для русскаго народа? Не въ мъ ли душа и смыслъ всѣхъ проявленій нанаго чувства, обращеннаго къ царскому пре- ту?

то въ Россіи по истинѣ, а не для виду толь- изъявляетъ вѣрность и преданность русскому ударю, тому остается только слиться съ русмъ народомъ. Притязаніе отличаться предъ гъ въ этомъ отношеніи можетъ свидѣтельовать только о неискренности побужденій, о ьшивости чувства. Дѣло не въ видимости, а сущности. О смыслѣ и свойствѣ русскаго нанаго чувства говоритъ убѣдительно вся русія исторія это не есть чувство насмѣшка, кый соблюдаетъ свои обязательства, пока ему выгодно; это сила природная, семейная, сонная исторіей, воспитанная церковію, - сила, которой народъ нашъ не можетъ отложить не отрекаясь отъ собственнаго бытія. Въ Росне могло бы возникнуть никакихъ внутренъ недоразумѣній и опасностей, если бы все

что живетъ въ ней было одушевлено русскимъ гражданскимъ чувствомъ, и еслибъ ея политика постоянно слѣдовала только тѣмъ побужденіямъ и идеямъ, которыя изъ этого чувства почерпаются. Указываютъ на нѣкоторыя печальныя явленія возникающія въ нашей общественной жизни: но стоитъ только присмотрѣться къ нимъ, чтобъ убѣдиться, какъ мало общаго между ими и русскимъ народомъ; стоитъ только немного отдать себѣ отчетъ въ этихъ явленіяхъ, чтобъ удостовѣриться въ свойствѣ тѣхъ чуждыхъ и враждебныхъ русскому народу вліяній, которыя создаютъ и поддерживаютъ ихъ. Дабы противодѣйствовать этимъ вліяніямъ, нѣтъ другаго средства, какъ бодрое и полное развитіе русской народности, которая только и можетъ поддерживать здоровье и жизнь въ нашемъ государственномъ организмѣ.

Ничто такъ выразительно и сильно не свидѣтельствуетъ о той нравственной неразрывной связи, которая соединяетъ русскій народъ съ главой его государственной жизни, какъ выраженія народнаго чувства во дни подобные переживаемымъ теперь нашею Москвой. Въ искренности этихъ выраженій невозможно сомнѣваться, невозможно въ нихъ ошибиться. Въ этихъ восторженныхъ кликахъ, которыми Москва встрѣтила своихъ Августѣйшихъ Посѣтителей, дѣйствительно слышалась вся исторія русскаго народа *).

II.

Никогда наше отечество не было такъ могущественно и никогда единеніе народа съ го-

*) 1867 г. № 88 А.

сударствомъ, всегда неразрывно крѣпкое, не было такъ живо, и никогда прежде не могло бы быть такъ плодотворно какъ теперь. Говорятъ о необходимости призвать какое-то общество для содѣйствія правительству. Но правительство уже совершенно обезпечено надежнымъ содѣйствіемъ всѣхъ и каждаго въ народѣ. Весь народъ, всѣми своими сословіями, сверху до низу, готовъ содѣйствовать правительству въ общемъ дѣлѣ и въ единомъ духѣ. Историческій, все объединяющій духъ нашего народа не покинулъ насъ, лишь бы только мы охотно слѣдовали его внушеніямъ, лишь бы правительство само оставалось вѣрно ему, лишь бы мудрость правительственная нашла способъ устроить въ этомъ духѣ народныя силы для государственныхъ цѣлей. Нѣтъ лучшей опоры правительству какъ за одно съ нимъ дѣйствующія, однимъ духомъ проникнутыя, твердо организованныя живыя силы народа *).

---

*) 1882 г. № 251 А.

КОНСТИТУЦІЯ.

1.

Предлагаютъ много плановъ... Но есть одинъ царскій путь.

Это—не путь либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Это и не путь золотой середины между двумя крайностями. Съ высоты царскаго трона открывается стомилліонное царство. Благо этихъ ста милліоновъ и есть тотъ идеалъ и вмѣстѣ тотъ компасъ которымъ опредѣляется и управляется истинный царскій путь.

Въ прежніе вѣка имѣли въ виду интересы отдѣльныхъ сословій. Но это не царскій путь. Тронъ затѣмъ возвышенъ чтобы предъ нимъ уравнивалось различіе сословій, цеховъ, разрядовъ и классовъ. Бароны и простолюдины, богатые и бѣдные, при всемъ различіи между собою, равны предъ Царемъ. Единая власть и никакой иной власти въ странѣ, и стомилліонный, только ей покорный народъ, вотъ истинное царство.

Въ лицѣ Монарха оно владѣетъ самою сильною центральною властью для подавленія всякой крамолы и устраненія всѣхъ препятствій къ народному благу. Оно же, упраздняя всякую другую власть, даетъ мѣсто и самому широкому самоуправленію, какого можетъ требовать благо самого народа,—*народа*, а не партій.

Только по недоразумѣнію думаютъ что монархія и самодержавіе исключаютъ „народную свободу"; на самомъ же дѣлѣ она обезпечиваетъ ее болѣе чѣмъ всякій шаблонный конституціонализмъ. Только самодержавный Царь могъ, безъ всякой революціи, однимъ своимъ манифестомъ, освободить 20 милліоновъ рабовъ, и не только освободить лично, но и надѣлить ихъ землею. Дѣло не въ словахъ и буквѣ, а въ духѣ все оживляющемъ.

Да положитъ Господь, Царь Царствующихъ, на сердце Государя нашего шествовать именно этимъ воистинну царскимъ путемъ, имѣть въ виду ни прогрессъ или регрессъ, ни либеральныя или реакціонныя цѣли, а единственно благо своего *стомилліоннаго народа* *).

2.

У насъ теперь въ большомъ ходу слово *реакція*. Этимъ словомъ перекидываются какъ самымъ ругательнымъ. Имъ запугиваютъ нашъ слабоумный либерализмъ. Но, скажите ради Бога, не есть ли отсутствіе реакціи первый признакъ мертваго тѣла? Жизненный процессъ не есть ли

*) 1881 г. № 114 Б.

непрерывная реакція, тѣмъ болѣе сильная чѣмъ сильнѣе организмъ? Наши либералы, или вѣрнѣе ихъ руководители которые ихъ дурачатъ, хотятъ чтобы Россія оставалась мертвымъ тѣломъ, неспособнымъ реагировать какія бы дѣла надъ ней ни творились. Совершаются страшныя событія, и что же?—хотятъ чтобъ они не произвели никакой перемѣны ни въ настроеніи общества, ни въ правительствѣ. Хотятъ чтобы мы продолжали слѣдовать какъ ни въ чемъ не бывало путемъ обмана, чтобы посредствомъ реакціи живаго и сильнаго организма мы не выбросили изъ себя болѣзнетворное начало которое отравляетъ его. Горе намъ если мы не способны даже теперь оказать спасительную реакцію, которая состоитъ не въ томъ, какъ думаютъ наши гнилые либералы и политическіе плуты держащіе ихъ на поводьяхъ, чтобъ ухудшить наши дѣла,—а напротивъ чтобъ ихъ улучшить, чтобы вывести ихъ на прямой путь, чтобъ оздоровить ихъ.

Что требуется въ настоящее время? Болѣе всего требуется чтобы показала себя государственная власть Россіи во всей непокелебленной силѣ своей, ничѣмъ не смущенная, не разстроенная, вполнѣ въ себѣ увѣренная. Боже сохрани насъ отъ всякихъ ухищреній, изворотовъ, заискиваній, отъ всякой тѣни зависимости государства отъ какихъ-либо мнѣній. Власть государства не на мнѣніяхъ основана; или ея нѣтъ на дѣлѣ, или она держится сама собою, независимо отъ мнѣній. И вотъ это-то прежде всего должно обнаружиться въ критическія минуты. Слыханое ли дѣло чтобы полководецъ обращался не къ мужеству и твердости своихъ войскъ, а старался

бы вызвать въ нихъ мнѣнія, и показывалъ бы видъ что мнѣніямъ угождаетъ и въ своихъ дѣйствіяхъ на нихъ опирается? А развѣ государство, вынуждаемое принимать мѣры общественной безопасности, не то же что и воинство, которое, въ свою очередь, не то же что и государство въ сокращенномъ видѣ? Государство предоставляетъ мнѣніямъ развиваться и высказываться на свободѣ, которую оно же ограждаетъ и обезпечиваетъ; но въ дѣлѣ государственной необходимости и общественной безопасности требуется прежде всего честное и твердое исполненіе каждымъ своего долга. Россія выросла и окрѣпла не мнѣніями, не большинствомъ голосовъ, не интригою партій вырывающихъ другъ у друга власть, а исполненіемъ священнаго долга, связующимъ воедино всѣ сословія народа. Оживить это чувство долга, вотъ что требуется въ обстоятельствахъ подобныхъ настоящимъ *).

3.

Не легко переживать кризисъ; однако лучше пусть онъ нѣсколько продлится лишь бы разрѣшился вполнѣ благополучно. За кризисомъ должно послѣдовать или полное выздоровленіе, или безнадежное ухудшеніе недуга. Всякая ошибка можетъ имѣть теперь роковыя послѣдствія.

Что теперь намъ дѣлать? Прежде всего не задавать себѣ подобныхъ вопросовъ. Въ этихъ-то безпрерывныхъ вопросахъ и состоитъ нашъ опасный общественный недугъ. Что намъ теперь

*) 1881 г № 79 А.

дѣлать? Да просто стать твердо на ноги, очнуться отъ дремоты, отряхнуться отъ праздномыслія и дѣлать то что у каждаго подъ руками. Со вчерашняго ли дня началось существованіе Россіи? Русская держава есть созданіе тысячелѣтней исторіи. Россія не вопросъ, Россія не мнѣніе, не идея, не отвлеченная формула; это самая реальная реальность, многосложная и громадная. Россія есть до безконечности организованная индивидуальность, своеобразная и сама себѣ равная. Если она существуетъ, то стало быть есть основы и законы ея существованія. Вотъ та твердая почва на которой мы должны очутиться чтобы выйти благополучно изъ кризиса; вотъ на чемъ слѣдуетъ дѣлать то что требуется *основными законами* нашей страны. Если мы въ чемъ-нибудь отступили отъ нихъ, поспѣшимъ придти въ согласіе съ ними. Все что противорѣчитъ основному строю Русскаго государства, то должно быть устранено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Вопросъ не въ томъ, что лучше вообще, а въ томъ, что полезно для нашего государства въ данный моментъ его существованія. Если мы призваны заботиться о чьемъ-либо существованіи, то не слѣдуетъ отвлекаться отъ него мыслію или разбрасываться по сторонамъ *).

4.

Въ послѣднее время общимъ лозунгомъ было: не нужно конституціи, нужно только представительство. Это почти то же что и недавній

*) 1881 г. № 99 А.

съ по другому, болѣе скромному, учебному
юсу: сокрушить безъ ломки. Между консти-
ей и представительствомъ не болѣе разницы
ъ между ломкой и крушеніемъ. Это шагъ
ве или менѣе широкій на пути ослабленія
сти. Конституція и какое бы то ни было вы-
ное государственное представительство въ
гоящую пору, при данныхъ обстоятельствахъ,
совершенно одно и то же. Это будетъ нача-
ъ исполненія программы такъ-называемаго
ернаціональнаго общества, поставившаго своею
вною задачей „уничтожить самодержавіе въ
сіи, *anéantir l'absolutisme de la Russie*". Кто
етъ вывести насъ на этотъ путь именно въ
минуту, тѣ знаютъ куда онъ ведетъ. Скажутъ,
жно остановиться на пути гдѣ будетъ умѣстно
лаговременно. Напрасно. Еслибы мы теперь,
ке теперь не оказались достаточно сильными
бы воздержаться, то какимъ образомъ будемъ
сильнѣе послѣ того какъ уже двинемся на
ь ослабленія, и гдѣ тотъ пунктъ благополучія
которомъ могли бы мы остановиться и сказать:
елѣ и не дальше. Какой видъ на этомъ пунктѣ
дставитъ Россія? Богъ, мы вѣримъ, въ концѣ
цовъ спасетъ наше отечество; но чего будетъ
ить это испытаніе, на которое его толкаютъ
ли въ откровенныхъ видахъ конечнаго разру-
нія, другіе въ неразумной торопливости на
кое вѣяніе, не отдавая себѣ отчета чего хотятъ.
знаемъ Русскій народъ, знаемъ его исторію,
емъ чѣмъ онъ силенъ, мы знаемъ также что
ъ теперь нужно. Намъ нужно теперь именно
чѣмъ во всѣхъ своихъ сословіяхъ всегда былъ
ленъ Русскій народъ. Онъ всегда былъ силенъ

своимъ патріотическимъ духомъ, своею единодушною преданностію Престолу, чувствомъ своего безусловнаго, „абсолютнаго“ единства съ Царемъ. Это сила испытанная, сила великая, сила создавшая Россію и возвысившая ее. Только этой силѣ обязаны мы нашимъ національнымъ могуществомъ. Ей мы обязаны нашимъ спасеніемъ во всѣхъ испытаніяхъ, къ ней стало-быть и теперь должны мы обратиться и въ ней искать опоры. На русскую патріотическую партію, если только это партія, вотъ на что единственно можетъ опереться наше правительство или вотъ какой партіи должно быть наше правительство.

Какой же злой духъ побуждаетъ насъ оставить эту истинную силу и искусственно вызывать въ нашемъ народѣ то что нигдѣ не есть сила, что вездѣ есть слабость и у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь? Что могло бы заставить насъ и притомъ именно въ эту минуту призывать къ дѣятельности новый, небывалый въ нашей исторіи элементъ шатанія и смуты какой всегда и вездѣ представляютъ мнѣнія людскія вѣтромъ колеблемыя, вѣтромъ носимыя? Зачѣмъ между Верховною Властію и народомъ, который не отдѣляетъ себя отъ нея и видитъ въ ней свое истинное и единственное представительство, втирать какое-то еще представительство, создавать партіи и предавать ихъ игрѣ интересы государственной пользы и народнаго блага? Есть почтенныя лица которыя предлагаютъ представительство въ маломъ и скромномъ видѣ, не рѣшающее, а якобы только совѣщательное и т. д. Но если это дѣло нужное и полезное, то зачѣмъ давать его въ маломъ и недостаточномъ пріемѣ? Если же это

но не полезное, то зачѣмъ начинать его? Въ
лѣ государственномъ что не нужно, то вредно.
і возбудимъ страсти, раздражимъ умы, на-
авимъ ихъ въ фальшивую сторону, и вмѣсто
агодарности за желаніе угодить имъ и потѣшить
ь навлечемъ на себя ихъ ненависть и вмѣстѣ
зрѣніе. Недавно была сдѣлана злосчастная
пытка создать какую-то конституцію среди
иверситетской молодежи. Всѣмъ извѣстно чѣмъ
ічилась эта попытка. Если судить по тону
которыхъ газетъ принимающихъ замашки офи-
льныхъ органовъ, можно пожалуй подумать
о и въ самомъ дѣлѣ замышляется повторить
пытку въ громадныхъ размѣрахъ не надъ нѣ-
олькими сотнями молодыхъ людей, но надъ
лымъ народомъ, и бросить въ эту игру не
иверситеты, а цѣлое общество.
Что такое представительство которое намъ съ
зныхъ сторонъ рекомендуютъ? Въ какихъ бы
змѣрахъ, силѣ и формѣ ни замышлять его,
о всегда окажется искусственнымъ и подлѣль-
ымъ произведеніемъ и всегда будетъ болѣе
крывать собою, нежели открывать народъ съ
о нуждами. Оно будетъ выраженіемъ не на-
да, а чуждыхъ ему партій и неизбѣжно ста-
тъ орудіемъ ихъ игры, которою такъ легко
ладѣваетъ всякаго рода интрига. Боже избави
съ отъ партій и очисти отъ ихъ игры наши
авительственныя сферы! Правительство свобод-
е отъ духа партій и достойное самодержавной
асти Русскаго Царя, покрывающее народъ въ
о цѣлости, вотъ что было бы теперь нашимъ
рвымъ и истиннымъ прогрессомъ. А добрые
оди напротивъ совѣтуютъ намъ внести растлѣ-

вающій духъ партій, интриги и обмана въ самыя нѣдра народа.

Правительству необходимо сближеніе съ народомъ, но для этого требуется обратиться къ нему непосредственно, а не чрезъ правительство какое бы то ни было, узнавать нужды страны прямо отъ тѣхъ кто ихъ испытываетъ и кто свидѣтельствуетъ о нихъ не по прокураціи, а самолично. Устроить такъ чтобы голосъ народныхъ потребностей, не фиктивныхъ, а дѣйствительныхъ, достигалъ престола безо всякой посторонней примѣси,—вотъ задача достойная правительства Самодержавнаго Монарха, вотъ вѣрный шагъ на пути истиннаго прогресса. Каждый день имѣетъ свою заботу. Въ чемъ забота нынѣшняго дня? Правительство борется съ крамолой которая выросла изъ ничтожества и стала зломъ опаснымъ для государства. Мы не можемъ правильно и спокойно вести наши дѣла пока не справимся съ этою язвой. Очистить отъ нея нашу страну, вотъ въ настоящее время наша народная нужда. Помогутъ ли намъ въ этой нуждѣ разныя говорильни? Пустословіемъ ли могутъ пособить намъ народныя силы? Если содѣйствіе ихъ нужно, — а оно несомнѣнно нужно,—то потребуемъ отъ нихъ не словъ, не мнѣній, не отвлеченностей, а дѣла... Онѣ могутъ оказать правительству драгоцѣнное, незамѣнимое содѣйствіе къ успокоенію страны, если оно успѣетъ организовать ихъ въ каждой мѣстности подъ ближайшимъ руководствомъ и вѣдѣніемъ властей, дабы охранить массы отъ обмановъ и пресѣчь всѣ пути злоумышленному заговору *).

*) 1881 г. № 114 Б.

Всякая вещь познается изъ ея происхожденія. Въ чемъ состоитъ ходъ образованія государства? Ни въ чемъ иномъ какъ въ собираніи и сосредоточеніи власти. Покоряются независимыя владѣнія, отбирается власть у сильныхъ, и все что имѣетъ характеръ принудительный подчиняется одному верховному надъ государствомъ началу; дѣло не успокоивается пока не водворяется въ странѣ единовластіе покрывающее собою весь народъ. Государство вооружено, но не противъ свободы, которая только въ оградѣ его и возможна; оно вооружено противъ другихъ государствъ какъ внѣ, такъ и внутри его. Власть по природѣ своей не можетъ терпѣть государствъ въ государствѣ, и ея прямое назначеніе пресѣкать и возбранять все, что имѣетъ такой характеръ. Собирая и сосредоточивая власть государство тѣмъ самымъ создаетъ свободное общество. Власть надъ властями, верховная власть надъ всякою властью, вотъ начало свободы. Что прямо или косвенно нарушаетъ свободу, то противно государственному началу; что можетъ принять характеръ насилія, то должно быть на зоркой примѣтѣ, и правительство обязано предотвращать или пресѣкать всякое вынужденіе не на законномъ правѣ основанное. При сбивчивости понятій и неспособности правительствъ возникаютъ роковыя и гибельныя ошибки: смѣшивается свобода съ тѣмъ, что противно ей, съ вынужденіемъ и насиліемъ, и правительство думая угодить свободѣ, организуетъ и узаконяетъ то, что ее подавляетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вноситъ смуту въ государство.

Толкуютъ о свободѣ печати, но не всѣ отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что разумѣть подъ этою свободой. Люди на общественныхъ дорогахъ свободно ходятъ и ѣздятъ, и чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, но никому нельзя предоставить свободу безчинствовать на улицѣ и нападать на встрѣчныхъ. Охраняя общественные пути отъ физическаго насилія, не обязано ли то же правительство охранять общество и отъ насилій нравственныхъ? Систематическій обманъ не есть ли нравственное насиліе? Можетъ ли быть терпимо тенденціозное обращеніе къ дурнымъ страстямъ, къ невѣжеству, къ людской глупости, все что клонится къ тому, чтобы сбить съ толку темныя массы и овладѣть незрѣлыми умами? Книга по содержанію и характеру своему назначаемая для круга людей способныхъ критически отнестись къ ней имѣетъ иное значеніе чѣмъ листокъ газеты, который обращается ко всѣмъ безъ различія, всюду вторгается и всѣми читается. Можетъ ли правительство оставлять уличное слово безъ контроля и отдавать малыхъ, слабыхъ и темныхъ людей во власть всякому рѣчистому шарлатану?

Правительство Самодержавнаго Государя во внутреннихъ дѣлахъ не можетъ видѣть въ себѣ какъ бы одну изъ партій и дѣйствовать въ раслѣвающемъ духѣ какого бы то ни было частнаго интереса. Умное и честное правительство не выпустившее власти изъ своихъ рукъ не будетъ потворствовать, подъ фальшивымъ видомъ либерализма, общественному обману, не будетъ терпѣть тенденцій враждебныхъ государству, ничего что подкапывается подъ его основы, что злоумышляетъ противъ охраняемаго имъ нравственнаго порядка.

Но что сказать о такомъ правительствѣ, которое само стало бы участвовать въ обманѣ и подъ предлогомъ либерализма стало бы дружить врагамъ своего Государя и своей страны, не только не мѣшая, но помогая имъ деморализовать общество и вербовать себѣ партіи? Что сказать о подобномъ правительствѣ, еслибы таковое было возможно? Увы, въ смутѣ дѣлъ человѣческихъ и невозможное бываетъ возможнымъ.

Съ точки зрѣнія понимающей свое призваніе власти ничто не можетъ быть такъ желательно, какъ самоуправленіе общественныхъ группъ. Но всегда ли подъ этимъ словомъ разумѣется то, что имъ знаменуется? Пусть каждый уплатившій свой долгъ Кесареви управляется самъ собой и безъ помѣхи распоряжается своими дѣлами: это относится къ сферѣ свободы, и чѣмъ шире эта сфера, тѣмъ лучше. Свобода и независимость — это одно и то же, но все, что имѣетъ характеръ общественной власти не должно считаться независимымъ. Отношенія между людьми не могутъ оставаться внѣ государственнаго надзора, коль скоро принимаютъ болѣе или менѣе обязательный характеръ; но не можетъ быть грубѣе ошибки, какъ подъ именемъ самоуправленія и автономіи подчинять однихъ произволу другихъ. Если путь восхожденія государства есть путь отбиранія власти, то появленіе въ немъ независимыхъ властей, возникновеніе государствъ въ государствѣ есть путь его паденія и разстройства. Не странно ли подъ видомъ самоуправленія узаконять корпораціи и коллегіи самоуправно распоряжающіяся не своими, но чужими дѣлами? Сообразно ли съ чѣмъ-нибудь отдавать, напримѣръ высшее образо-

ваніе страны, а съ тѣмъ вмѣстѣ и судьбы ея отборнаго юношества на произволъ замкнутыхъ въ себѣ и самопополняющихся коллегій? Говорятъ о независимости судебной власти. Но судебная власть должна быть независима лишь отъ произвола соподчиненныхъ ей властей, что однако, не значитъ быть въ раздорѣ или не согласіи съ ними, такъ какъ всѣ власти равно подчинены общему верховному началу, отъ котораго ни одна не должна мнить себя независимою.

Подобныя аномаліи равно противны какъ государственному началу, такъ и дѣлу свободы, и мы не выздоровѣемъ пока не исправимъ этихъ печальныхъ ошибокъ, которыхъ послѣдствія уже также тяжко нами испытаны*)

6.

Великую славу наслѣдовалъ Государь нашъ, но и тяжкое бремя. Никогда Россія не была такъ могущественна, такъ полна жизни, и никогда не носилось надъ ней столько пагубныхъ недоразумѣній, какъ въ настоящее время.

Всѣ мы, русскіе люди, присягнувшіе вѣрой и правдой служить Государю и въ его лицѣ Отечеству, всѣ мы должны глубже провѣрить себя. Наши недоразумѣнія и ошибки случаются отъ того, что мы незамѣтно для себя переходимъ съ одной почвы на другую, мѣняя предметъ своихъ сужденій и заботъ. Въ вопросахъ государственнаго свойства все должно оцѣниваться съ точки зрѣнія государства, и притомъ не какого-нибудь,

*) 1881 г. № 119.

не отвлеченнаго, но дѣйствительнаго, живаго, одного изо всѣхъ, того, которому мы служимъ, во всей совокупности связанныхъ съ нимъ интересовъ. Мы ничего не утратимъ, не причинимъ ущерба никакому цѣнному для человѣка интересу, когда будемъ послѣдовательны и тверды въ вопросахъ государственной важности, когда въ этихъ вопросахъ будемъ руководствоваться только истинною пользой государства, только дѣйствительными потребностями нашего отечества,— когда мы будемъ вполнѣ и безусловно національны въ нашихъ сужденіяхъ и дѣйствіяхъ. Напротивъ, непослѣдовательность и полумѣры въ государственномъ дѣлѣ всегда сопровождаются вредомъ и пагубой для всѣхъ охраняемыхъ государствомъ интересовъ. Результатъ всегда оказывается противоположный тому, чего мы искали мѣняя точку зрѣнія и вовлекаясь въ область иныхъ соображеній. Церковь, напримѣръ, есть величайшій для человѣка интересъ; но она находитъ себѣ вѣрное обезпеченіе только въ государствѣ, которое, охраняя ее, знаетъ себя и умѣетъ отличать желательное отъ обязательнаго.

Интересъ экономическій имѣетъ безспорную важность, но исключительно имъ нельзя руководствоваться въ государственномъ дѣлѣ. Рядомъ съ системой экономическихъ интересовъ есть порядокъ нравственный, есть порядокъ юридическій, и съ точки зрѣнія государственной каждому порядку дается свое мѣсто, каждый принимается въ уваженіе и при правильномъ ходѣ дѣлъ каждый выигрываетъ приходя въ соглашеніе съ другими.

Филантропія есть прекрасное чувство, но ни-

какимъ побужденіемъ, хотя бы и прекраснѣйшаго свойства, нельзя оправдывать уклоненіе отъ государственнаго долга. Исторія свидѣтельствуетъ, что дѣло происходящее изъ наилучшаго источника, но уклоняющее насъ отъ долга нашего служенія, ведетъ роковымъ образомъ къ нежеланнымъ и ненавистнымъ для насъ самихъ послѣдствіямъ. Тысячи жертвъ могутъ поплатиться за доброе чувство, которое ошиблось въ пути. Милосердіе къ людямъ требуетъ не поблажки, а рѣшительнаго противодѣйствія тому, что ихъ губитъ. Великая ошибка вступать въ сдѣлку съ направленіями, существенно враждебными государству и надѣяться замирить ихъ уступками.

Государство не находится въ антагонизмѣ со свободой, напротивъ, свобода возможна только въ его оградѣ, но при условіи сильной власти, способной защитить личную свободу людей отъ всякаго насилія и вынужденія.

Единая, безусловно свободная и безспорная верховная власть есть великое благо Русскаго народа, завѣщанное ему предками и добытое ихъ трудомъ и кровью. Никакое человѣческое дѣло не изъято отъ ошибокъ и злоупотребленій, и никакія учрежденія не могутъ обезпечить отъ нихъ. Но прискорбныя случайности дѣло преходящее, лишь бы основанія не колебались, лишь бы самое начало власти оставалось цѣло и невредимо. Съ самодержавною властію Русскаго Государя неразрывно соединено самое существованіе Россіи. Незыблемая и свободная верховная власть, какая Богомъ дарована Русскому Государю, всего вѣрнѣе обезпечиваетъ народное благо и всего лучше можетъ способствовать ему. За то все, что есть

ссіи русскаго, и здравомыслящаго, и чест-
, все должно стоять на стражѣ этого вели-
начала. Вотъ правильное и истинно русское
шеніе между царемъ и народомъ: царь за
народъ, весь народъ за царя *).

7.

насъ часто говорятъ о землѣ въ политиче-
ъ смыслѣ и землю противополагаютъ госу-
тву. Но противоположность между землей и
дарствомъ не выдерживаетъ критики. Рус-
земля есть Русское государство, и Русское
дарство есть Русская земля. Это одно и тоже,
ко съ двухъ сторонъ взятое. И нельзя понимать
что земля имѣетъ свои интересы, отдѣльные
государства, а государство свои. Еслибъ у земли
народа были свои интересы, а у государства
, то они стояли бы другъ противъ друга
два лагеря; между ними пришлось бы про-
ть демаркаціонную линію; между ними. даже
самыхъ мирныхъ отношеніяхъ, неизбѣжно
икла бы рознь и борьба; они стали бы вести
ду собой если не войну, то политику. Это
бы не то что земля и государство, а какъ
ва государства на которыя разломилась бы
на. Такое положеніе было бы величайшею
образностію, на которой не возможно оста-
ться мыслію. Правда, нѣчто подобное было
вачаточную эпоху Россіи, когда Русская земля
не была собрана воедино, когда еще не было
каго государства, а были на пустырѣ Рус-

— —

1881 г. № 126

ской земли разрозненныя населенія и разбросанные города жившіе каждый своею отдѣльною жизнію и призывавшіе къ себѣ, когда приходилось туго, то ту, то другую бродячую дружину съ княземъ во главѣ для обороны отъ враговъ, или для подавленія внутренней смуты. Но это первобытное состояніе нашего отечества когда оно еще не сложилось, когда еще не было ни Россіи, ни Русскаго народа, можетъ ли служить для насъ образцомъ? Можемъ ли мы считать ни во что тысячелѣтнюю исторію Россіи и возвращаться ко временамъ Рюрика?

Нѣтъ, народъ организованный, имѣющій одно отечество и одну верховную власть, которой всякая власть въ народѣ подчинена, есть едино съ государствомъ и его главою. Не только никакого антагонизма, но ни малѣйшей розни не должно быть между интересами народа и интересами государства. Каждая мѣстность въ государствѣ есть живая часть его. Цѣлое состоитъ въ своихъ частяхъ и части въ цѣломъ. Государство не можетъ быть равнодушно къ тому какъ идутъ дѣла въ безчисленныхъ мѣстностяхъ его составляющихъ, какъ живется ячейкамъ его организма.

Всякое управленіе имѣетъ прежде всего своею цѣлію обезпеченіе мира въ странѣ. Судьи мира въ Англіи justices of the peace, то-есть землевладѣльцы-вотчинники въ каждомъ графствѣ, и называются такъ по тому что охраняютъ миръ въ своей мѣстности. У насъ условія иныя, у насъ нѣтъ безземельнаго народа, какъ въ Англіи; у насъ земля не находится вся въ рукахъ лишь одного класса, у насъ каждое сельское общество

можетъ считать себя вотчинникомъ и хозяиномъ. У насъ весь народъ заинтересованъ въ общественной безопасности. Мы имѣемъ исторически сложившіяся сословія, у насъ есть сословныя общества въ городахъ и селахъ которыя могутъ всего лучше способствовать этому главному государственному дѣлу, которое въ то же время есть первый интересъ всякой мѣстности и всякаго обывателя въ ней. Не говорильни намъ нужны, не словоизверженія объ общихъ принципахъ и вопросахъ. Намъ нужно дѣйствительное участіе дѣйствительныхъ народныхъ силъ въ охранѣ общественнаго спокойствія. Теперь особенно, когда по нашей оплошности закралась къ намъ вражеская смута, необходима организованная помощь нашихъ народныхъ силъ, то-есть нашихъ безчисленныхъ сословныхъ обществъ. Эти общества не фантазіи, а фактъ котораго нельзя не признать, и нельзя имъ не воспользоваться. Надобно только воспользоваться имъ должнымъ образомъ. Никакая полиція не можетъ у насъ такъ успѣшно и такъ надежно дѣйствовать какъ организованныя для государственной цѣли наши сословныя общества. Въ духѣ, который живетъ въ нихъ, не можетъ быть сомнѣнія. Расторгните эти общества, пустите этихъ людей въ разбродъ,—вы не узнаете ихъ. Поставьте людей въ другія сочетанія, вы также не узнаете ихъ. Русскій народъ есть то что онъ есть въ своихъ сословныхъ обществахъ. Ничто не замѣнитъ того непреоборимаго государственнаго духа, который могущественно властвуетъ надъ милліонами людей въ нашихъ сословіяхъ. Призовите эти силы къ дѣйствію, только не фи-

ктивно, но въ правду, и всякой крамолѣ конецъ... *).

8.

Наши воздушныя партіи, либералы и консерваторы, консерваторы и либералы, хлопочутъ о „правовомъ порядкѣ", какъ они выражаются на своемъ жаргонѣ „и желаютъ надѣлить насъ, русскихъ подданныхъ, политическими правами. Не напрасна ли ихъ забота? Мы, русскіе подданные, уже обладаемъ тѣмъ что они обѣщаютъ даровать намъ; у насъ есть даже нѣчто большее. Они хотятъ даровать намъ политическія права, но у насъ есть политическія обязанности, а это больше. Въ обязанностяхъ уже заключаются права, обязанности неотлучно сопровождаются правами. Что намъ въ обязанность поставлено, на то намъ конечно и право дано. Но если за обязанностію само собою слѣдуетъ право, то не всегда обязанность поспѣваетъ за правомъ когда оно выдвигается впередъ. Право не прикрытое обязанностію уносится налегкѣ далеко впередъ, оставляя позади себя багажъ обязанностей. Напрасно намъ сулятъ конституцію; мы уже имѣемъ ее въ нашей государственной присягѣ которая обязываетъ всякаго русскаго подданнаго радѣть о пользахъ Государя и государства. Мы обязаны свято заботиться объ этихъ пользахъ, и въ предѣлахъ возможности предотвращать всякій вредъ который можетъ угрожать имъ. Кто этого не дѣлаетъ, тотъ въ силу нашего „правоваго порядка" будетъ

*) 1881 г. № 197.

измѣнникъ и преступникъ. А если каждый изъ насъ обязанъ служить такимъ образомъ престолу и отечеству, то каждый, конечно, имѣетъ и право исполнять эту обязанность.

Если караульный заснулъ, мы въ правѣ разбудить его; если онъ самъ воруетъ то что обязанъ стеречь, мы въ правѣ закричать и позвать кого слѣдуетъ. Мы въ правѣ это сдѣлать потому что обязаны.

Мы обязаны чтить власть. Власть отъ Бога, учитъ насъ церковь. Мы обязаны чтить власть не только за страхъ, но и за совѣсть. Насъ, православныхъ людей, обязываетъ къ тому не только гражданская, но и религіозная совѣсть. Но чѣмъ священнѣе для насъ это начало, тѣмъ должно быть чувствительнѣе всякое небреженіе о немъ, а еще болѣе измѣна ему со стороны лицъ призванныхъ охранять его, блюсти его честь и пользу, исполнять его службы. У насъ есть общественное слово, есть печать, которой дозволено касаться предметовъ государственнаго интереса. Странно было бы еслибъ эта сфера оставалась внѣ дѣйствія той конституціи которую мы, русскіе подданные, имѣемъ въ нашей государственной присягѣ. Люди имѣющіе право общественнаго слова обязаны не менѣе другихъ радѣть о пользахъ Государя и государства и предупреждать всякій ущербъ и вредъ имъ; только эта обязанность и даетъ смыслъ дарованному печати праву касаться политическихъ предметовъ. Не считать же, въ самомъ дѣлѣ, печать „священнымъ убѣжищемъ“ для политическихъ негодяевъ!

Но служить въ печати государству—дѣло не легкое. Какъ разъ столкнешься съ интересами

которые пользуются привилегіями власти, но не всегда правдиво и честно къ ней относятся, не всегда служатъ ей должнымъ образомъ, не всегда бываютъ способны понимать и исполнять ея требованія, и нерѣдко вредятъ ея дѣлу вмѣсто того чтобы служить ему. Если общественное слово видитъ это, то оно обязано сказать; оно измѣнитъ своему долгу, оно поступитъ нечестно, оно поступитъ подло, если не скажетъ.

Мы говоримъ вообще, ни на кого, ни на что не указывая; мы хотимъ только пояснить принципъ о которомъ зашла рѣчь. Только при помощи яснаго понятія можно правильно судить о томъ или другомъ случаѣ вызывающемъ нашу оцѣнку. Мы хотимъ только пояснить что гражданское и патріотическое чувство, полная преданность Государю и государству въ его службѣ, могутъ сталкиваться съ дѣйствіями и направленіями лицъ которыя приходятъ и уходятъ, смѣняясь на чредѣ власти, и могутъ своими ошибками, своею неспособностью или недобросовѣстностію оставлять за собою пагубныя послѣдствія.

Развѣ мы могли бы дожить до ужасной катастрофы прошлаго года, развѣ могли бы мы очутиться въ нашемъ нынѣшнемъ положеніи, еслибы не цѣлый рядъ правительственныхъ ошибокъ, которыхъ нельзя не видѣть теперь когда они совершились, но которыхъ послѣдствія можно было предвидѣть? Общественное слово въ свое время и предсказывало ихъ, раскрывая ошибки и обличая обманы. Оно по возможности исполняло свой долгъ, но ему не легко обходилось это. Говоря и дѣйствуя въ интересахъ правительства, мы тутъ-то именно и сталкивались съ лицами, кото-

и по долгу безпристрастія старались соблюдать
тралитетъ между правдой и ложью и по до-
тѣ сердца не только служили Государю и го-
арству, но и тщились снискать любовь въ пе-
ятельскомъ лагерѣ. Шагъ за шагомъ, русская
итика переходила на тотъ путь куда влекла
таинственная крамола. Вмѣсто того, чтобы
давить ее въ началѣ, устранивъ причины кото-
я дали ей ходъ и ей способствуютъ, принятая
тема дѣйствій напротивъ создавала условія
болѣе и болѣе благопріятныя для ея развитія,
подъ предлогомъ умиротворенія враговъ сда-
ла имъ лучшія позиціи и усиливала ихъ, ожес-
чая. Изъ ничтожныхъ элементовъ выросъ
зракъ могущества, не имѣющій никакой реаль-
сти и обязанный своимъ развитіемъ только
иженію съ властями или сближеніемъ съ ними
стей. Могъ ли этотъ призракъ не пріобрѣсти
ятельную силу когда его замыслы переходили
правительственную программу?
'кажемъ въ видѣ предположенія, предположе-
нелѣпаго, но пригоднаго въ настоящемъ слу-
ѣ, такъ какъ своею несообразностью оно рѣзче
ставитъ вопросъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь.
образимъ себѣ, что въ настоящую минуту, при
ерешнемъ положеніи дѣлъ и настроеніи умовъ,
-либо изъ вліятельныхъ лицъ возымѣлъ бы
сль, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ,
вать то, что *эвфемистически* называется „зем-
мъ соборомъ", якобы для поддержанія власти
ея борьбѣ съ крамолой, - не была ли бы такая
сль, даже негласно въ сферахъ власти ска-
ная, торжествомъ крамолы? Что могло бы сдѣ-
ть сборище людей деморализованныхъ и сму-

щенныхъ, собранныхъ вокругъ правительства, которое будто бы само собою держаться не можетъ, какъ лживо увѣряютъ его противники, и малодушно повторяютъ за ними ихъ потворщики и пособники? Какую помощь могъ бы оказать этотъ сбродъ людей правительству, пока оно не станетъ твердо на свои здоровыя ноги, не разсѣетъ призракъ крамолы и не освободится отъ фальшиваго мнѣнія о своемъ безсиліи?

Когда извѣстнаго преступника Нечаева, по произнесеніи надъ нимъ приговора, выводили жандармы изъ залы судебнаго засѣданія, онъ кричалъ неистово: „земскій соборъ, земскій соборъ!" Того же требовалъ и Желябовъ. Спрашивается, кто въ своемъ смыслѣ оказался бы вѣрнѣе своему дѣлу, Нечаевы и Желябовы, или тѣ фантастическіе, предполагаемые нами блюстители государственныхъ интересовъ, которые то же крикнули бы: „земскій соборъ?"

Если наше правительство кому-либо кажется слабымъ, не способнымъ дѣйствовать, нуждающимся въ сборѣ людей, которые сами не знали бы зачѣмъ они призваны, то не слѣдуетъ ли искать причины этой слабости не въ дѣйствительныхъ условіяхъ правительственной власти, которыя остаются невредимы и цѣлы, а развѣ въ неспособности ея случайныхъ органовъ? *).

9.

Въ государствѣ какъ Россія, сохранившемъ непоколебимую, безспорную и священную власть,

---

*) 1882 г. № 130.

лица облеченныя ея полномочіями менѣе чѣмъ гдѣ-либо въ правѣ насиловать законную свободу и прибѣгать ко лжи и обману, которые служатъ обычнымъ средствомъ правительствъ въ странахъ такъ-называемыхъ конституціонныхъ. Если что-либо подобное у насъ бываетъ, то это не правило, на которое наши заграничные друзья могли бы ссылаться, а нарушеніе правила, роняющее достоинство власти.

Но мы сказали не все; наша рѣчь еще впереди. Говорятъ что Россія лишена политической свободы; говорятъ что хотя русскимъ подданнымъ и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имѣютъ правъ политическихъ. Русскіе подданные имѣютъ болѣе чѣмъ права политическія, они имѣютъ политическія обязанности. Каждый изъ русскихъ подданныхъ обязанъ стоять на стражѣ правъ Верховной Власти и заботиться о пользахъ государства. Каждый не то что имѣетъ только право принимать участіе въ государственной жизни и заботиться о ея пользахъ, но призывается къ тому долгомъ вѣрноподданнаго. Вотъ наша конституція. Она вся безъ параграфовъ содержится въ краткой формулѣ нашей государственной присяги на вѣрность. Вотъ наши политическія гарантіи. Какое же правительство не потерявшее смысла, можетъ отнимать у людей право исполнять то что велитъ имъ долгъ присяги? Надобно только чтобы мы поняли эту конституцію нашу во всей ея силѣ и умѣли бы ею пользоваться должнымъ образомъ въ устройствѣ и веденіи нашихъ дѣлъ. Когда не было на свѣтѣ русской политической печати, не могло быть рѣчи о ея обязанностяхъ. На свѣтъ

же могла она явиться только какъ новый, особый, требуемый временемъ способъ исполненія всеобщей обязанности радѣть о пользахъ Престола и Отечества, ни въ чемъ не раздѣляя ихъ, дабы держаться на твердой почвѣ и не теряться въ безплодныхъ и опасныхъ отвлеченностяхъ. Другаго смысла узаконенная въ Россіи политическая печать, обнимающая въ своемъ кругозорѣ всѣ вопросы государственной жизни, имѣть не можетъ. Всякій кто за это дѣло въ Россіи серіозно берется, долженъ сугубо принять на свою совѣсть долгъ русскаго подданнаго. Для него исполненіе этого долга по совѣсти перестаетъ быть случайностью и становится призваніемъ. Онъ долженъ быть готовъ не только давать отпоръ злу когда оно само представится, но и выслѣживать его гдѣ бы оно ни гнѣздилось и какую бы личину ни принимало. Его долгъ доискиваться правды во всемъ и раскрывать ее не смущаясь ни предъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакими прельщеніями съ одной стороны, никакими вынужденіями съ другой. Вотъ какимъ долженъ быть серіозный политическій органъ въ Россіи. Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совѣсти *).

* 1880 г. № 341.

JN 6511 .K56
O samoderzhavii i konstitutsii
Stanford University Libraries
3 6105 035 409 585

.K56

AUG 20 1992

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305